

Читайте в серии
«Все счастливые семьи»
трилогию
Анри Труайя:
«СЕМЬЯ ЭГЛЕТЬЕР»
«ГОЛОД ЛЬВЯТ»
«КРУШЕНИЕ»

Анри Труайя

ГОЛОД ЛЪВЯТ

КНИГА ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ И ЛЮБОВЬ
НАЧИНАЮТСЯ С СЕМЬИ

АЗБУКА
МОСКВА

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Т77

Henri Troyat
La Faim des lionceaux

Перевод с французского *Татьяны Земцовой*
Иллюстрация на обложке *Марины Ларченко*

Труайя, Анри

Т77 Голод львят : роман / Анри Труайя ; [пер. с фр. Т. Земцовой]. — М. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2024. — 320 с. — (Все счастливые семьи).

ISBN 978-5-389-26366-6

«Голод львят» — продолжение истории семьи Эглетьер. Герои взрослеют: их характеры становятся многограннее, интереснее. Восприятие жизни усложняется, в душе рождаются первые сильные противоречивые чувства. Мир уже не кажется таким простым — Жан-Марк, потеряв покровительство отца, стремится обуздать роковую страсть и устроить жизнь по-своему, Франсуаза познает все грани запретной и причиняющей боль любви, а оптимистичный и легкомысленный Даниэль узнает цену глубоким, серьезным отношениям.

Первые большие решения. Первые взрослые поступки. Неизбежные ошибки и — расцвет юности, свежесть и полнота чувств, большие искренние мечты — все это «Голод львят», история вне времени и герои, уже успевшие завоевать сердца читателей.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Flammarion, 1965
© Перевод Земцова Т., 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024
АЗБУКА®

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

За бортом потемнело так быстро, что Жан-Марк, удивленный, наклонился к иллюминатору. Дневной свет, поборовшись в скорости с самолетом и безнадежно отстав, остался позади. На западе еще сверкала широкая полоса синего неба, в то время как на востоке уже сгустилась тьма. Жан-Марк посмотрел на часы — они показывали нью-йоркское время: три часа дня там, восемь часов вечера во Франции. Он перевел стрелки. Поездка подходила к концу. Сиреневые сумерки, словно дым, проникали в салон самолета. Все лампы зажглись одновременно. Сосед Жан-Марка, американец, с сединой в волосах и с брюшком, снял пиджак и дремал, откинувшись затылком на спинку кресла. Его жена, сидевшая рядом с ним, невозмутимо строчила письмо за письмом. Она была левшой. Самолет тряхнуло. Буря на полете к Европе? Бесстрастный голос стюардессы сообщил в микрофон:

— Мы пролетаем над Ла-Маншем. Через несколько минут вы сможете слева увидеть огни Сен-Мало, справа — Шербура...

Эта информация, повторенная по-английски, не вызвала у пассажиров никакой реакции. Жан-Марк тоже считал, что ему, как и остальным, все равно, но неожиданно его охватило волнение: берега Франции! Он так хорошо мог разглядеть их со своего места возле иллюминатора. Он вытянул шею. Внизу все было темно. Самолет снижался. Кончиками пальцев Жан-Марк повернул выключатель системы вентиляции над головой. Холодный воздух обдал его лоб. Прошла стюардесса с подносом, предлагая карамель. Минут через десять — посадка. О своем приезде Жан-Марк известил письмом. По его подсчетам, к одиннадцати часам он уже сможет добраться до дома.

Самолет сделал вираж на крыле, и звезды, только что мерцавшие за стеклом иллюминатора, уступили место огням, сверкавшим внизу, на земле. Потом он восстановил равновесие, шасси коснулось твердой поверхности. Тормозя на гигантской скорости, машина протестовала, рычала, замедляла бег, содрогаясь от возмущения. В проходе салона пассажиры, нагруженные ручной кладью, потягивались, распрямляя затекшие тела. Жан-Марк и представить себе не мог, что на борту столько народа.

Он пристроился к людской веренице, вразброд направлявшейся к ярко освещенному зданию аэропорта.

В громадном стеклянном переходе на него внезапно нахлынули воспоминания. Он снова представил, как следил за Кароль, которая приехала тогда

встречать его отца, прилетевшего самолетом. Сколько страданий связано с этим самым местом! С тех пор минула целая вечность.

Таможенник, добродушного вида чернокожий, даже не предложил ему открыть чемоданы. Жан-Марк сел в автобус «Эр Франс», который быстро заполнился пассажирами с сомнамбулическими лицами. Грандиозный полет заканчивался в бесславной тряске. В бледном освещении фонарей Южная автострада казалась лишь смехотворной копией американских скоростных дорог. Не хватило материала, чтобы скроить ее пошире. А при въезде в Париж — эти стиснутые улицы, низкие дома, этот провинциальный, пропыленный, жалкий вид! Какое отставание от века! Автобус катил сквозь ночь, делал резкие повороты, погружаясь в залитую электричеством зелень.

На аэровокзале близ Дворца инвалидов Жан-Марк взял такси и назвал адрес. По обеим сторонам рю Бонапарт были припаркованы на ночь автомобили — передние колеса на тротуаре, задние — на проезжей части. Шофер чертыхался — невозможно было проехать. Он был старый, усатый. Расплачиваясь, Жан-Марк заметил, что несколько десятицентовых монет перемешались у него в кармане с французской мелочью. Он рассчитался, взял чемоданы, пересек заставленный машинами двор и втиснулся в лифт. Нажимая на кнопку третьего этажа, ухмыльнулся. Что общего может быть между этой убогой дощатой кабиной, неспешно, гроыхая всеми своим шарнирами, поднимавшей его вверх, и просторными, герметичными, оснащенными кондиционером нью-йорк-

скими лифтами, от скорости которых перехватывает дыхание, в то время как приглушенная музыка, льющаяся через динамики, ласкает слух?

Отец сам открыл ему дверь, гостеприимно раскинув руки с такой дежурной готовностью, что это даже выглядело смешно:

— Привет, старик! Удачно съездил?

И тут же осведомился:

— Кароль не с тобой?

— Кароль? Нет! — ответил Жан-Марк. — Почему?

— Она надумала поехать за тобой в Орли!

По лицу Жан-Марка пробежала какая-то тень. С чего вдруг Кароль решила его встречать?

— Должно быть, как всегда, очень поздно выехала! — заключил Филипп.

Он засмеялся с видом уверенного в себе, довольно-го жизнью, невозмутимого человека. Жан-Марк прошел вслед за ним в гостиную. Его рассеянный взгляд удостоверился в неизменности сочетания старинной мебели с большим китайским ковром, украшенным геометрическим рисунком, стен цвета розовой лосося с темными картинами в деревянных позолоченных рамах... Кусочки льда зазвенели, падая ему в стакан. Этот легкий звук напомнил ему об одном прокуренном нью-йоркском баре. Отец предложил шотландское виски. Они выпили, сидя друг против друга, глаза в глаза. «Если бы только Кароль могла не возвращаться!» — мелькнуло в голове у Жан-Марка.

— Ну, рассказывай! — начал Филипп. — Как тебе понравилась Америка?

— Потрясающе! — ответил Жан-Марк.

— Это ни о чем не говорит: потрясающе!

— Для меня — говорит. Несколько недель, прожитые человеком там, совершенно меняют его масштаб мышления!

— Дидье Коплен вернулся вместе с тобой?

— Нет, он уехал из Нью-Йорка две недели назад.

Жан-Марк улыбнулся, заглянул в свой стакан и добавил:

— Он был совсем на мели! Вначале попытался давать уроки французского, но ученики уходили от него один за другим.

— А у тебя как сложились дела с Кроуфордом?

— Очень хорошо. Я занимался тем, что разбирал и классифицировал французские публикации по юриспруденции...

Конторы Хью Д. Кроуфорда находились на шестьдесят четвертом этаже здания «Чейз Манхэттен Бэнк». Кондиционированный воздух, внутренняя оперативная связь и головокружительный вид на каньон, расположенная внизу Уолл-стрит, легкий туман над заливом и статуя Свободы. Под началом этого добродушного и жесткого человека с бугристым лицом и льянными волосами работало сто двадцать пять адвокатов.

— Что за титан этот старик Кроуфорд! — со вздохом проговорил Жан-Марк. — А его конторы!.. Если бы ты их видел!

— Да я их видел! — сказал Филипп.

При этом замечании Жан-Марк споткнулся и замолчал.

Увлеченный собственными воспоминаниями, он забыл, что отец больше десяти раз был в Нью-Йорке. Это соображение тотчас же лишило его желаний

делиться своими впечатлениями о поездке. Но Филипп настаивал:

— Эта страна ошеломляет своим богатством, предприимчивостью, продуктивностью, цинизмом, да?

— Да...

— В конце концов европеец там теряет уверенность в себе...

— Ты считаешь?

— Если бы тебе предложили навсегда обосноваться в Нью-Йорке, ты бы согласился?

— Почему бы и нет?

Филипп покачал головой:

— Ну, ты меня поражаешь! А Даниэль на этом самом месте объявил мне, что он Франции предпочитает Кот-д'Ивуар!

Они рассмеялись.

— Скоро он вернется? — спросил Жан-Марк.

— Думаю, в конце месяца.

— А Франсуаза? Она еще в Туке?

— Да.

Входная дверь хлопнула. Филипп поставил стакан на низенький столик:

— А! Это Кароль!

Они оба разом встали. Вошла Кароль, запыхавшаяся, возбужденная, с блестящими глазами на маленьком личике, заостренном и опаленном солнцем.

— Жан-Марк! Как глупо! — заговорила она. — Я из Орли! Разминулась с тобой на пять минут!

Все это было настолько в стиле Кароль, что Жан-Марк не смог не восхититься верностью этой женщины своему образу. Она слегка обняла его. Он уловил тонкий запах ее духов. Но она уже отстранилась.

— Покажись-ка! Ты прекрасно выглядишь, старина!

Он не помнил, чтобы думал о ней с тех пор, как они расстались, тем не менее встретил ее без всякого удивления, как если бы она то и дело попадалась ему на глаза. Кароль похудела, загорела. Диета и солнечные ванны на корабле. Янтарный оттенок кожи по контрасту придавал еще больше блеска ее расширенным зрачкам и зубам, обнаженным в улыбке зубам.

— Ты голоден? — поинтересовалась она. — Там Аньес что-то приготовила для тебя...

— Спасибо, я поужинал в самолете.

Она села около мужа на диван с разноцветными подушками. Филипп притянул ее к себе и обнял правой рукой за плечи. Она, казалось, чувствовала себя счастливой под грузом этой мужской руки, свешивавшейся с ее шеи. Но глаза, светившиеся ироническим любопытством, были устремлены на Жан-Марка. Ей хотелось знать все о жизни, которую он вел в Соединенных Штатах. Он должен был описать комнату, которую они с Дидье Копленом снимали в квартире одного из сотрудников Кроуфорда, как проходил его рабочий день, где он бывал вечерами...

— А женщины, — спросила Кароль, — что ты скажешь об американках?

Поскольку вопрос этот исходил от нее, Жан-Марк смутился. У него не было ни одного сколько-нибудь серьезного sentimentalного приключения в Нью-Йорке.

— Такие же, как французенки, — ответил он. — Есть невзрачные, есть приятные. — И, чтобы посको-

рее оборвать расспросы, спросил: — А вы? Как ваш греческий круиз?

Кароль закатила глаза к потолку:

— Катастрофа! Жара была страшная, корабль не плавал в открытом море, а Колетт Дюрион умудрилась перессорить между собой все пары.

— Лучше было бы и нам поехать с тобой в Штаты, — сказал Филипп. И удалился, не в силах скрыть широкий зевок: — Умираю — хочу спать!

— Удивительно, — заметил Жан-Марк, — а я, несмотря на разницу во времени, совершенно не хочу спать!

— Ты ляжешь у нас, — уведомила Кароль. — У тебя на улице д'Ассас ничего не готово. Аньес даже не убирала там...

Он согласился, отчасти раздосадованный, отчасти удовлетворенный этим удобным решением. Отец и Кароль ушли, пожелав ему доброй ночи. Они производили впечатление счастливой семейной пары. Не сблизились ли они снова за время путешествия в Грецию?

В комнате у Жан-Марка все было так, как и прежде. Мебель светлого дерева в стиле эпохи Карла X, эстампы в серых тонах на стенах, книги на полках со стеклами, разобранная постель, чистые полотенца, положенные на край раковины, — он уже готов был растрогаться. Но его взгляд задержался на трех красных розах, стоящих в вазе, и чувства мгновенно охладели. Эти три красные розы были знаком от Кароль, символом сговора, призывом к порядку. Она поставила их здесь не случайно, а, вне всяких сомнений, для того чтобы воскресить в нем какое-то чув-

ство, о котором он захотел стереть даже воспоминания. Ну что ж! Она напрасно потратила время, если думала смутить его этой уловкой. Поездка обновила, освежила и закалила его. Избавившись от своего прошлого, он уже ничего и никого не боялся.

Внезапно ему показалось, что он задыхается в этих четырех стенах. Движение, которым его перенесло с одного континента на другой, продолжалось внутри него самого. О том, чтобы лечь спать, не могло быть и речи. Он удостоверился, что ключ от квартиры в кармане, и вышел.

Сентябрьская ночь была теплой и темной. Кафе на площади Сен-Жермен-де-Пре были переполнены. Жан-Марк сел на террасе «Дё Маго», заказал маленькую кружку пива и пожалел, что сидит в одиночестве. Он бы с удовольствием поделился впечатлениями с кем-нибудь из друзей. Завтра он увидится с Дидье Копленом. Но Дидье воспринял Америку не так, как он. Группа парней и девушек прошла мимо, о чем-то горячо споря. И он сразу представил себя в Гринвич-Виллидж. «Все молодые похожи друг на друга, — подумал Жан-Марк. — С той лишь разницей, что они там принадлежат к великой нации, процветающей, оптимистической, на языке которой говорит половина цивилизованного мира, а эти здесь — нации хрупкой, целиком завязшей в прошлом и не способной распространить свое влияние дальше соседних стран». Никогда еще ничтожность и слабость Франции не представляли перед ним с такой определенностью. Как можно быть французом в XX веке? Он задавал себе этот вопрос и машинально ласкал взглядом платаны на бульваре Сен-Жер-

мен. В Нью-Йорке он отвык от деревьев. А здесь они были густые, могучие, полные сока. Перед хмурыми фасадами распустились целые купола листвы, плотные облака зелени. При одном взгляде на них вы ощущали на губах вкус горьковатой свежести. Тщательно продуманная подсветка освещала колокольню снизу, делая выразительной каменную кладку. Площадь окружали приземистые дома, где обыватели рано ложились спать. Машины неслись бесконечным потоком, сверкая никелем. Сигнальные огни, неоновая реклама, свет фонарей — в этом скрещении лучей проскальзывали человеческие тени, раздавались обещания, зрели драмы. Мало-помалу Жан-Марк начинал ощущать, как в нем пробивается молчаливое согласие с тем, что он видит перед собой. Не это ли равновесие между старыми камнями и молодой зеленью, между прошлым и настоящим, внушало благодущие? Он прикинул, что в этот час закат едва затуманил небо над Манхэттеном. Усталость, смена обстановки поддерживали в нем состояние приятного опьянения. Он поднялся и пошел бродить по улицам, без всякой цели, вдыхая запах Парижа, глядя в лица прохожим, чего никогда не осмелился бы делать в Нью-Йорке. И тут совершенно необъяснимо Жан-Марк осознал, что счастлив вернуться домой, вновь окунуться в музыку своего языка. Неважно, что Франция не так богата, не так велика, не так многочисленна, могуча и организована, как Соединенные Штаты! Именно здесь, и нигде больше, он должен был дать свой человеческий бой.

Он открыл дверь частного клуба «Лантерн», с хозяином которого был знаком, и его обдала темная,

горячая и шумная волна. Оглушенный и ослепленный, он стал пробираться к бару; на ходу поздоровался за руку с двумя парнями, чьих имен не смог бы вспомнить, и присел у стойки на табурет. Перед ним в полумраке с сосредоточенностью гимнастов, занятых тренировкой, передвигались люди. Он никогда не любил танцевать просто так. А девушки в этот вечер были так себе: голова в плечи, волосы на глаза, руки, размахивающие как крылья. Это была субботняя клиентура. Он удалился разочарованный. В «Seven two» была такая же толкотня и тоже неприятная публика. Зато выбор дисков там был превосходный. Жан-Марк послушал несколько ностальгических, слегка устаревших мелодий, проглотил один «Дайкири»¹ и вышел на свежий воздух, чтобы перевести дыхание после предпринятого погружения.

Было два часа утра. Он не знал, куда еще пойти. В сторону дома. Ноги повели его старым путем. Стоп! Он сменил тротуар. В сущности, пустяк, однако у него возникло чувство, будто он оборвал ут́ок, спутал нити привычки, замыслил какие-то темные интриги! Главное — стойко держаться! Начисто отринуть прошлое. Возненавидеть и сокрушить себя того, каким он был.

Какой-то страх охватил его в тот момент, когда он входил в квартиру: этот аромат духов, эта тягостная тишина, они были приятны как воспоминание о каком-то очень сладком лекарстве, которое он при-

¹ «Дайкири» — коктейль из рома с лимонным соком и сахаром.

нимал в детстве. Он осторожно открыл дверь в свою комнату, повернул выключатель. Три красные розы по-прежнему стояли в вазе. Они полыхали жизнью. Жан-Марк заставил себя не смотреть на них, сел на край кровати и снял туфли. «Завтра утром позвоню Франсуазе», — подумал он.

II

Прорвав Пасторальную симфонию, зазвонил телефон. Мадлен приподнялась на локте и посмотрела на аппарат — это, несомненно, ее коллега, Бальмора из Кана¹, который звонит по поводу секретера эпохи Людовика XVI. Он должен был сказать, устраивает ли клиента цена. Шесть-семь метров отделяли ее от шкафчика с украшенной деревянной резьбой дверцей, где находился телефон. Но с ее сломанной ногой это было равносильно пустыне. Успеет ли она? Стоило Мадлен встать, как звонок прекратился. Разозлившись, она снова легла, опираясь грудью на две подушки и вытянув ногу. Какая глупость! Все люди ломают малую берцовую кость, отличившись на лыжах, она — поскользнувшись на кафельном полу в кухне. На кафеле, когда-то подобранном с такой любовью — розовые и белые плитки, теперь уже старые, стершиеся, блестящие, неровные, привычные! Хорошо еще, что Франсуаза была здесь и помогла ей подняться! С тех пор как восемь дней назад наложили гипс, доктор Жуатт запретил ей ходить.

¹ Кан — административный центр департамента Кальвадос.

Он преувеличивает, этот малый! Мадлен устроилась на первом этаже, на диване. Пластинки, книги, вышивание, газеты — все было под рукой. Все, кроме телефона. Мадлен скучала. Послезавтра ей снимут гипс, и она возьмет напрокат костыли! Тогда жизнь снова станет сносной. В лавке — она расположена на другой стороне улицы — ее замещает Франсуаза. Принимает заезжих клиентов. За несколько недель девочка вошла во вкус антикварного ремесла. Мадлен обучила ее профессиональным хитростям и направила на аукционные торги в область. Франсуаза любила старинные, бесхозные вещи, со щербинами, с загадочным прошлым. К тому же это занятие ее отвлекало. Она никогда больше не говорила Мадлен о своем душевном смятении. Однако даже когда улыбалась, ее взгляд был затуманен грустью. Опять телефон. На этот раз нужно было, чего бы это ни стоило, взять трубку. Мадлен повернулась всем телом и поставила правую ногу на плиточный пол. Обжигающие мурашки побежали по онемевшей икре. Она переместила вес на здоровую ногу — левая повисла в нескольких сантиметрах от пола в своей гипсовой оболочке — и оперлась на спинку стула, чтобы не упасть. Толкая сиденье перед собой, рывками доплелась до ниши с телефоном. Как только она сняла трубку, послышались гудки.

— Черт! — выругалась Мадлен.

Нога была тяжелой. Однако возвращаться на диван ей не хотелось: Бальмора мог позвонить снова. Она подождала, опираясь плечом о стенку. Разумеется, ничто не мешало ей связаться с его коллегой и спросить, не Бальмора ли сейчас ей звонил. Но то-

гда тот мог сделать вывод, что ей не терпится получить ответ. Лучше пусть думает, что она совершенно не озабочена продажей своего секретера. Перед собой в старинном зеркале в позолоченной раме она видела плотную женщину с полными бедрами, в синей юбке, белой блузке, одна нога обута в домашнюю туфлю, другая — в каменный сапог. В уголке рта дымилась сигарета. А на всю квартиру надсаживался Бетховен со всеми своими скрипками! «Ох, ну и вид у меня, хуже некуда!» — подумала Мадлен. Пепел от сигареты упал на блузку. Поскольку телефон продолжал молчать, она направилась обратно, подпрыгивая на одной ноге. И была уже на полпути к дивану, когда в дверь постучали.

— Войдите! — сказала Мадлен.

Но никто не вошел. Это, наверно, была домработница. Глуха как тетеря старая Мели! Повысив голос, Мадлен закричала изо всех сил:

— Входите же!

И она сделала маленький прыжок, передвигаясь вперед вместе со своим стулом. Дверь открылась. На пороге стоял мужчина. Мадлен замерла в позе аиста.

— Месье? — произнесла она вопросительно.

И одновременно подумала: «Ведь я его знаю!» При этом почувствовала себя невероятно смешной со своим вопросительным взглядом и с ногой в гипсе.

— Не знаю, помните ли вы меня... — сказал мужчина.

— Как же! — ответила Мадлен. — Господин Козлов, не так ли?

Он слегка поклонился. Мадлен призвала себя к спокойствию. Но мысли ее путались.

— У вас травма?

— Пустяки! — пробормотала Мадлен. — Сломала ногу, по глупости!

Он помог ей дотащить до дивана. Она хотела было отказаться от его помощи, но это было невозможно. Сильная и теплая рука сжимала ее предплечье сквозь рукав блузки.

— Спасибо, — поблагодарила Мадлен, усаживаясь. И уложила свою негнущуюся ногу на подушку.

— Я здесь проездом, — сообщил Козлов. — В Париже мне сказали, что Франсуаза у вас на каникулах...

— Да.

— Как она?

— С ней все в порядке.

— Мне очень жаль, что она бросила занятия. Она была одной из лучших моих учениц...

Мадлен раздавила в блюдце окурки и нервно закурила новую сигарету. С минуты на минуту могла войти Франсуаза. Любой ценой нельзя было допустить, чтобы она встретилась с этим человеком. Однако он, казалось, и не собирался уходить. По его виду можно было подумать, что ему не в чем себя упрекнуть. Мадлен украдкой оглядывала его. Козлов был моложе, чем он ей когда-то показался. Неправильное лицо, взгляд мрачный, надменный и одновременно мягкий.

— Счастлив увидеть ваш дом, — продолжал он. — Франсуаза мне столько о нем рассказывала. Действительно, очень красиво! Сразу переносишься в другой век, хочется жить помедленнее. А! Вот знаменитый автомат!.. — Он подошел к негру-курильщику, возвышавшемуся на круглом столике. — Великолепно!

Мадлен чувствовала, если она тотчас же не вмешается, он рассядетя, застрянет, и ей уже не удастся выставить его за дверь.

— Это восемнадцатый век? — спросил он.

— Да.

— И он ходит?

— Да.

Козлов закивал головой:

— Прекрасно, прекрасно...

Между ними воцарилось молчание. Затем Козлов наклонился к Мадлен и тихо спросил:

— Франсуазы нет?

— Нет.

— Мне бы хотелось ее видеть.

— Как раз и не нужно, чтобы вы ее видели!

— Почему?

— Вы и без того принесли ей достаточно горя!

Он изобразил удивление:

— Я?

— Да, — буркнула Мадлен, — я знаю про... про... — Она не знала, как закончить фразу, замялась, сердясь на свое косноязычие, и в конце концов нехотя произнесла: — Про вашу связь.

Она сразу же пожалела, что у нее вырвалось это слово, старомодное, высокопарное, смешное. Козлов улыбнулся:

— Связь? О мадам! Уверяю вас, что речь скорее идет о нежной дружбе, о взаимном уважении...

— О дружбе и уважении, которые едва не стоили жизни этому ребенку!

— Не будем преувеличивать!

Она отпрянула: как он осмелился такое говорить?

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

СЕРИЯ «ВСЕ СЧАСТЛИВЫЕ СЕМЬИ»

ТРУАЙҢ АНРИ ГОЛОД ЛЬВЯТ

*Ответственный редактор С. Терновская
Художественный редактор А. Дёмочкина
Технический редактор Л. Синицына
Корректоры О. Ануфриева, С. Луконина
Компьютерная верстка Ю. Фролкиной*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 30.09.2024.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Spectral».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0.

Тираж 3000 экз. Т-АНФ-35350-01-Р. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака АЗБУКА 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ — АЗБУКА тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191024, г. Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14-үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басым шығармаған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылманың сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации,
приносящей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 г. не распространяется.
«Балаларды денсаулығы мен дамуына зиян келтіретін ақпараттан қорғау туралы»
29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заңы қолданылмайды.